Павел Степанцов

Социальное действие между интерпретацией и пониманием

Этот текст посвящен критике феноменологической модели интерпретативного понимания смысла действия. На основании разбора методологических требований каузальной и смысловой адекватности понимания действия в социологии М. Вебера производится реконструкция не-интерпратативной схемы схватывания смысла действия в социальных науках.

Ключевые слова: действие, понимание, смысл, интерпретация

Введение

В четвертой главе книги «Идея социальной науки» Питер Уинч критикует М. Вебера за то, что он, на его взгляд, не последователен в разработке концепции понимания в рамках методологических требований понимающей социологии. Он отсылает к утверждениям Вебера о том, что понимание социологом смысла действия должно проверяться и «что подходящим способом проверки такой гипотезы является утверждение статистических законов, основанных на наблюдении того, что случается» (Уинч, 1996, стр. 85). Далее, Уинч выражает, собственно, свой критический взгляд на позицию Вебера, показывая, почему, по его мнению, она является несостоятельной в этом пункте:

> [М] не хотелось бы поставить под вопрос подразумеваемое положение Вебера, что Verstehen является чем-то, что логически неполно и требует дополнения другим методом, в частности, сбором статистики. В противовес этому я хочу утверждать, что если предложенная

Эта статья написана по материалам НИР "Проблемы совмещения каузальных и интерпретативных объяснений в социальных науках: от социологии действия к социологии события", выполненного по Государственному заданию РАНХиГС за 2013 г.

Степанцов Павел Михайлович — социолог (ВШЭ, 2010, степень MA in Sociology Манчестерского университета). Аспирант кафедры Анализа социальных институтов НИУ-ВШЭ, старший научный сотрудник Центра социологических исследований при ИПЭИ РАНХиГС. Преподаватель Московской школы социальных и экономических наук, старший преподаватель Философско-социологического факультета РАНХиГС.

> интерпретация не верна, то статистика, хотя она и может показать это, не является решающим и последним средством установления истинности социологических интерпретаций в том смысле, который имеет в виду Вебер (там же, стр. 85).

Вебер касается обсуждения проблематики соотнесенности социологического наблюдения со статистикой тогда, когда он говорит о требованиях, которым должно соответствовать понимание мотивов действования. Критические замечания Уинча относятся к утверждению Вебера о необходимости того, чтобы понимание было не только адекватным по смыслу, но и каузально адекватным. Попробуем разобраться чуть подробнее в том, что это означает.

Для Вебера наше понимание социального действия адекватно по смыслу в той степени, насколько оно соответствует «средним привычкам мышления и чувства». На основании этих привычек мы в значительной степени формируем некоторую типическую смысловую связь процессов протекания этого поведения. Каузально адекватным наше понимание является тогда, когда «в соответствии с правилами опыта, существует шанс, что [последовательность процессов поведения] фактически будет всегда одной и той же» и, что важно, этот шанс может быть выражен в терминах вероятности на основании данных статистики (Вебер, 2002, стр. 82).

Таким образом, ставя под вопрос необходимость каузальной адекватности понимания, Уинч говорит о том, что, фактически, достаточным для (социологического) понимания действия является то, что «мы понимаем его в соответствии со средними привычками мышления». Второй «компонент» веберианской методологии понимания можно откинуть как ошибочный, ненужный и, буквально, ничего не добавляющий к социологическим интерпретациям действования.

В этой статье мы покажем, что, в целом, Уинч неправильно понимает роль требования каузальной адекватности в методологии социологического исследования Вебера. В основе этого, на мой взгляд, лежит трактовка требования «каузальной адекватности» как чего-то дополнительного к требованию «адекватности по смыслу», и, в конечном счете, того, что прилагается, или, лучше сказать, того, что является еще одним компонентом понимания. В рамках такой интерпретации действительно можно показать, что, фактически, требование к объяснению быть каузально адекватным не добавляет ничего нового к простой его адекватности по смыслу.

Для Вебера действие социально постольку, поскольку действующий связывает с ним субъективный смысл, соотнесенный с поведением других, и ориентирует свое действие в его протекании на действия

других. Задачей же социологии является «истолковывая, понять социальное действие и тем самым дать причинное объяснение его протекания и результатов» (Вебер 2002, стр. 72).

Социолог не имеет доступа к субъективному смыслу, который вкладывают сами действующие в свои действия. Более того, он не может даже получить такой доступ никаким методом. Вебер отвергает методологическую идею Дильтея о том, что мы можем каким-то образом посредством эмпатии понять (точнее, прочувствовать) то же, что и действующий во время осуществления своего действия. Однако как же быть в таком случае социологу? Как он может понять смысл действия, если он не имеет доступа к тому субъективному смыслу, который сам действующий сополагает со своим действованием?

Ситуация усложняется еще и тем, что, по утверждению Вебера, зачастую даже сам действующий не может дать более или менее вразумительный отчет о том, что направляло его действие: «приводимые действующим „мотивы“ и «вытеснения» <...> достаточно часто скрывают для него самого действительную связь ориентации его действования таким образом, что даже его честные свидетельства о себе самом имеют лишь относительную ценность» (там же, стр. 80).

Таким образом, социолог, фактически, должен отказаться от того, чтобы постичь тот самый «субъективный смысл», который сам действующий сополагает со своим действием. Его целью становится понятное истолкование смысла на основании некоторой четко определенной процедуры. Дж. Рекс так обрисовывает способ, посредством которого осуществляется понимание в рамках методологических построений Вебера:

> Собственное понимание действующим смысла действия остается навсегда закрытым для нас и даже если он нам расскажет его, то, фактически, может оказаться так, что он введет в заблуждение и самого себя, и нас. То, что можем тут сделать мы, что делает сам действующий и что делают социологи — так *это построить гипотезу, претендующую объяснить паттерн ориентации действия или мотивации, лежащий за наблюдаемым поведением.* Эта гипотеза не претендует на то, чтобы сообщать нам нечто о мотивации действующего. Она представляют собою всего лишь инструмент для объяснения и, если хотите, ее статус абсолютно фиктивен (Rex, 1991, p. 242, курсив мой).

Подобная гипотеза, служащая лишь инструментом понимания, должна определенным образом *проверяться*, и именно с необходимостью этой проверки связано выделение Вебером двух методоло-

гических принципов адекватности по смыслу и каузальной адекватности (см. Вебер, 2002, стр. 80 и стр. 82). Проверка, получается, состоит в том, что кроме того, что понимание социологом смысла действия должно соответствовать средним привычкам мышления, повторение этого действия (такой последовательности процессов с таким вмененным смыслом) должно быть вероятным.

Таким образом, каузальная адекватность служит для того, чтобы показать, что вменение «объективного» смысла социальному действию социологом-наблюдателем не является произвольным. Когда социолог старается понять и объяснить действие, выявить, какие причины его вызвали и какой смысл в него вкладывался, он с необходимостью сталкивается с тем, что ему требуется выбрать между разными возможными объяснениями и причинами, которые могли привести к некоторому результату. Фактически, он осуществляет выбор между различными гипотезами. Если дело представить таким образом, то требование каузальной адекватности помогает выбрать наиболее правдоподобную гипотезу из тех, которыми социолог располагает (см., например, Rex, 1991, pp. 248–249 и Wagner, Zipprian, 1986, pp. 278–279). В итоге, каузальная адекватность гипотезы означает, что объяснение действия действительно *научно*, что оно не предложено произвольно, что разрыв между недоступным, но существующим в действии и делающим это действие осмысленным «субъективным смыслом» и доступным, но вызывающим вопросы об адекватности интерпретации «объективным смыслом» социального действия преодолен *научно правильно*.

Однако нам не стоит останавливаться на достигнутом результате, и имеет смысл посмотреть, к чему эта логика приведет, если ее развернуть. Вебер, действительно, утверждает, что «лишь такие рациональные конструкции понятого по смыслу действования суть социологические типы реальных процессов, которые могут наблюдаться в реальности хотя бы с некоторым приближением» (Вебер, 2002, стр. 83). И в известной степени, данные о том, в какой степени «рациональные конструкции» социолога на самом деле наблюдаются в реальности, дает статистика.

Но что это означает? Должен ли социолог проверять каждую свою интерпретацию на основании того, насколько построенное им рациональное объяснение имеет шанс сбыться в рамках статистически выраженных вероятностей? Тогда и *правдоподобность* социологической *интерпретации* смысла должна определяться статистически. Собственно, именно такую интерпретацию Вебера предлагает Лазарсфельд, «показывая», что Вебер был, в сущности, именно количественным социологом: «Вебер в процессе своей работы умел на экспертном уровне обращаться с количественными

техниками и знал, что *смысл социального действия может быть выражен лишь в вероятностных терминах*» (Lazarsfeld, Obershall, 1965, p. 197, курсив мой). Лазарсфельд стремится показать, что постижение установок (с которыми он, похоже, отождествляет то, что Вебер называл субъективно полагаемым смыслом) возможно лишь посредством статистического анализа *результатов* действия, точнее сказать, агрегированных результатов совокупности действий одного типа (Ibid).

Энн Роулз, демонстрирует, к каким выводам ведет взгляд, приписываемый Лазарсфельдом Веберу. Фактически, если мы предполагаем, что наше постижение социальных феноменов построено на статистическом агрегировании их результатов, то мы приходим к тому, что «социальный порядок возникает лишь после того, как индивидуальное действие совершено, и может быть измерен — обычно статистически — и выражен в форме паттернов действия» (Rawls, 2009, p. 503). Не теряем ли мы при такой интерпретации то, что составляет саму суть подхода Вебера: что любые социальные отношения, социальные образования и выводимые социологом закономерности (если такое происходит) основаны на констелляции субъективно ориентированных друг на друга единичных, индивидуальных социальных действий и шансов их повторений? Иными словами, должны ли мы принять вслед за Лазарсфельдом положение, что смысл социального действия может быть выражен лишь в вероятностных терминах, основываясь на состоявшихся, завершившихся социальных действиях, или, как это формулирует Э. Роулз, что социальный порядок (и смысл действия) существуют лишь *post factum* в агрегированных статистически выраженных формах?

Я предполагаю, что именно против такой интерпретации каузальной адекватности понимания действия выступал Уинч, когда утверждал, что статистические данные не могут ничего прибавить к нашему пониманию социальной реальности. Утверждение Уинча, похоже, в действительности состоит в том, что, фактически, смысловой адекватности вполне достаточно для того, чтобы дать адекватное объяснение социальной реальности. Он говорит, что основным требованием к объяснениям социального мира является то, что они «должны быть даны в понятиях, которые знакомы как действующему, так и наблюдателю» (Уинч, 1996, стр. 36), что вполне перекликается с утверждением Вебера о том, что вменяемый действию социологом смысл должен соответствовать нашим средним привычкам мышления, то есть с требованием адекватности по смыслу. Выступая против необходимости поиска статистических законов, Уинч борется с взглядом, очерченным выше: чтобы наше понимание и объяснение социального

действия было социологически научным, оно должно иметь дело со статистически оформленными паттернами социального порядка.

Но не является ли позиция Лазарсфельда лишь доведенным дологического конца взглядом Вебера? Кольскоромынеимеемдоступа к субъективно полагаемому смыслу действия, нам приходится иметь дело со смыслом, вменяемым действию социологом-наблюдателем. И чтобы это вменение не было произвольным (в конце концов, разные социологи могут иметь различные «средние привычки мышления») требуется как-то определить границы возможности вменения смысла. Между прочим, сам Вебер утверждает, что «даже самая очевидная смысловая адекватность лишь в той мере оказывается в рамках социологического познания правильным каузальным высказыванием, насколько удается доказать наличие (как бы его ни определять) некоторого шанса на то, что действование с некоторой [точно] определимой или примерной частотой (в среднем или в „чистом“ случае) фактически действительно совершается адекватно смыслу» (Вебер, 2002, стр. 83). Не говорит ли нам это наиболее явным образом о том, что разрыв между субъективно полагаемым и социологически вменяемым смыслом может быть (научно выверено) преодолен лишь тогда, когда мы постигаем смысл в статистических (или, как того хотел Лазарсфельд, вероятностных) терминах?

Так, тот же Дж. Рекс критикует Уинча за то, что тот не понял сути аргументации Вебера. Каузальная адекватность, по его утверждению, помогает социологии соответствовать идеалам эмпирической науки:

> Даже если мы говорим об объяснениях в терминах мотивации, существуют способы отделить валидные описания от просто удовлетворительных историй. И эти способы отделения одного описания от другого могут в действительности полностью соответствовать канонам эмпирической науки (Rex, 1991, p. 244).

Но коль скоро мы представляем дело таким образом, коль скоро мы говорим в терминах валидности (заметим, что использование этого слова неслучайно, и оно отсылает нас к канонам эмпирической или, лучше сказать, статистической науки), то что нас должно остановить перед тем, чтобы не начать описывать социальную жизнь в исключительно вероятностных, агрегированных терминах? То, против чего выступает Уинч, по сути, хорошо выражено Э. Роулз: он выступает против «распространенной в настоящее время, абсолютно мистической уверенности в том, что язык цифр более научен, чем язык слов» (Rawls, 2009, p. 503).

Кажется, что две точки зрения исключают друг друга. Требование к социологическому объяснению быть каузально адекватным вообще никак не соотносится и не дополняет требование адекватности по смыслу. Более того, они, возможно, даже противоречат друг другу.

Проблема, с которой мы тут сталкиваемся, в значительной степени обусловлена необходимостью преодолеть разрыв между субъективно полагаемым (самим действующим) смыслом социального действия и социологически вменяемым (социологом наблюдателем социальной жизни) смыслом этого же действия. В дальнейшем будет показано, что это противопоставление было в сильной мере искусственно сконструировано, в первую очередь в феноменологической интерпретации Вебера Шюцем, так и в результате переводов его работ на английский язык.

Феноменологическая интерпретация понимающей социологии Вебера

А. Шюц в «Смысловом строении социального мира» предлагает одну из тех влиятельных интерпретаций Вебера, сквозь призму которой многие последующие социальные мыслители воспринимали суть его аргумента. Именно Шюц в явном виде, возможно, даже слишком настойчиво, чем следовало бы, акцентирует внимание на том, что Вебер разводит субъективный и объективный смысл социального действия. Целью его книги является доработать и исправить слабые места в понимании Вебером смысла. Однако, осуществляя это, он опирается на совершенно иные философские источники, чем Вебер, и, в итоге, приходит к иной трактовке смысла, что само по себе не плохо, но требует четкого разведения с тем, как сам Вебер понимал проблематику понимания смысла для социологии.

Шюц представляет дело так, будто бы его работа и разрабатываемый им феноменологический подход, в сущности, помогают исправить слабые места в концепции Вебера. Он подчеркивает, насколько значимым и важным для социальных наук был вклад Вебера, однако при этом он не коснулся основной темы, центральной для всякой понимающей социологии — определению того, чем же является смысл. Таким образом, говорит Шюц, «настоящие исследования представляют собой попытку, исходя из поставленных Максом Вебером проблем <...>, дать, с помощью анализа конституирования, точное понимание феномена смысла» (Шюц, 2004, стр. 699). В итоге, получается, что сам Шюц работает также в рамках понимающей социологии, исправляя и дополняя некоторые «слабые» стороны построений Вебера. Однако то, что фактически делает Шюц, не ограничивается простой доработкой

концепции Вебера. Он, в действительности, определенным образом *пере*интерпретирует Вебера.

Критика Шюцем Вебера строится во многом на его критике веберовского «актуального понимания». Шюц указывает, что понятие актуального понимания так, как его представляет Вебер, не может быть достаточным. Для Вебера актуальное понимание соотносится с непосредственным схватыванием смысла деятельности, подобно тому, как происходит понимание вспышки гнева или написанной математической формулы. Объясняющее понимание же отсылает к мотивации — чтобы понять, объясняя, социальное действие, необходимо вычленить его мотив (см. Вебер, 2002, стр. 78). Однако Шюц видит в этом проблему. Он говорит следующее:

> Согласно Веберу я постигаю в актуальном понимании смысл поведения некоего человека, который «рубит лес», «ухватывается за ручку», чтобы (NB!) закрыть дверь, или «нацеливает» на зверя «ружье». Однако все эти наблюдаемые изменения чужого движущегося тела, приводимые Вебером в качестве субстрата актуального понимания, уже *являются* понятыми и истолкованными, поскольку я смог именовать их «рубкой леса», «ухватыванием за ручку», «нацеливанием ружья» на зверя. Действительно ли я понял этим своим истолкованием внешней последовательности событий, каким смыслом обладает эта последовательность действий для действующего лица? А что если наблюдаемый не рубит лес, а выполняет какую-либо иную работу, по внешнему проявлению однотипную или всего лишь очень похожую? А хватающийся за ручку двери делает это не для того, *чтобы* закрыть ее, а для того, чтобы произвести с ручкой какую-либо другую операцию, например, починить ее? <...> Актуальное понимание внешних событий никоим образом не проясняет для меня эти вопросы (Шюц, 2004, стр. 713–714).

Чтобы прояснить, каким образом актуальное понимание деятельности может быть пониманием вообще, как оно соотносится с мотивационным (или объясняющим) пониманием, Шюц связывает их с понятиями объективного и субъективного смысла соответственно. Что же скрывается за словами «субъективный» и «объективный» смысл для Шюца?

Шюц говорит, вполне в духе Вебера, о том, что субъективный смысл связан с тем смыслом, который действующий сополагает со своим действием. Но какого рода этот смысл? Что за ним скрывается? Шюц говорит об этом следующим образом: «После публикации „Идей“ Гуссерля нам известно, что наделение

смыслом — не что иное, как дело интенции, благодаря которой только и происходит «одушевление» чисто чувственных переживаний <...> То есть то, что представляется нам при беглом взгляде осмысленным, было уже прежде конституировано как осмысленное благодаря интенциональной работе нашего сознания» (Шюц, 2004, стр. 723–724).

Таким образом, Шюц ставит субъективный смысл действия, и вообще осмысленность социального (и вслед за Гуссрелем не только социального) мира в тесную связь с интенциональной работой сознания. Субъективное осмысление — это, в первую очередь, наделение смыслом, осуществляемое в интенциональных актах — актах, непосредственно связанных глубоко с субъективной (т. е. закрытой от внешнего наблюдателя) работой сознания.

Объективный смысл Шюц сопоставляет со смыслом языкового выражения, для понимания которого обращение к тому, кто говорит на языке, на котором произнесено это выражение, не требуется. Он отсылает к общему, если хотите, культурному опыту, посредством которого явления внешнего мира могут быть поняты «в их анонимном бытии, не зависимом от деятельности мышления, суждений кого бы то ни было» (там же, стр. 721).

Далее Шюц связывает различие, проводимое Вебером, между актуальным и объясняющим пониманием с различием между объективным и субъективным смыслом. Для Шюца актуальное понимание означает схватывание объективного смысла, допустим, языкового высказывания в его анонимности, т. е. в его не-привязанности к действующему. Объясняющее понимание становится пониманием субъективного смысла, в конечном итоге, мотива действующего. Это тот самый мотив, который действующий в своем интенциональном акте полагания связывает с производимым действием. Таким образом, «то, что я постигаю в „актуальном понимании“ действий, — это скорее объективная предметность протекания действия, которая актом интерпретации — скажем, наименования — помещается мной и для меня в некий смысловой контекст, который, однако, совсем не обязательно должен быть <...> тем же смысловым контекстом, который «имело в виду» при своем действии действующее лицо» (Шюц, 2004, стр. 714).

Фактически, Шюц вполне определенным образом трактует то, что «имел в виду» Вебер, когда говорил об актуальном и объясняющем понимании. Объясняющее понимание, являющееся по Веберу задачей социологии, должно иметь дело с субъективно полагаемым смыслом — мотивом — действия, но этот мотив связан с интенциональными актами сознания, с тем, что действующее лицо «имело в виду». Нет простого перехода от объективного смысла

к субъективному или от актуального понимания к объясняющему. «Мотивационному пониманию совсем недостаточно вырванного из контекста „моментального снимка“ деятельности, напротив, объясняющее понимание уже предполагает достаточный объем знания о прошлом и будущем действующего лица» (там же, стр. 715). В конце концов, как позже заметит Шюц, чтобы адекватно объяснить действие, необходимо знание тех субъективно полагаемых мотивов этого действия, которые он назовет «мотивом для» и «мотивом потому что». *Разведение субъективно полагаемого и объективного смысла приводит к явному напряжению*, с которым сталкивается социолог, пытающийся познать социальную реальность:

> [В] конечном счете Б и В [наблюдатели социальной жизни] интересует не интерпретация того, *что* выражается, то есть идеальная предметность выражения, и не его значение, остающееся инвариантным, кто бы им ни пользовался. Наблюдатель социального мира стремится скорее интерпретировать феномен, заключающийся в том, что именно А [т. е. действующий] сейчас, здесь и таким образом употребил это выражение. Он пытается истолковать произнесение высказывания <...> как симптом переживания сознания А, а именно, что А соединяет с произнесением этого высказывания особый смысл, скажем, использует его с определенным намерением и т. д. (там же, стр. 722–723).

Таким образом, говорит Шюц, нас как наблюдателей социальной жизни интересует в большей степени не столько объективное понимание социальной реальности, состоящее в непосредственном схватывании ее в акте актуального понимания, т. е. не в том, что мы, допустим, интерпретируем смысл языкового выражения или действия кого-то, сколько понимание того, почему в этой ситуации этот человек совершил это действие. Но тогда такая задача ставит нас перед следующей проблемой: коль скоро нашей целью является понимание субъективного смысла действия, а он для нас скрыт, то как можем мы получить к нему доступ? Для решения этой задачи Шюцу приходится задействовать всю мощь философии Гуссреля.

Шюц, как и Вебер, признает, что то, с чем мы имеем дело как наблюдатели — это внешняя явленность действия, и мы не имеем доступа к внутренним интенциональным переживаниям Другого. Объективный смысл действия является завершенным «порождением» деятельности другого сознания, и он дан нам лишь как некоторое завершенное порождение, однако, как таковой, он «в качестве порождений является также свидетельствами сознания действующего, породившего их в своей деятельности» (см. Шюц,

2002, стр. 848–850). Для собственно социологической проблематики это означает следующее:

> При переходе в социальную сферу понятийная пара «объективный-субъективный» смысл обогащается новым, и притом социологически релевантным значением. Во-первых, я могу рассматривать и толковать феномены внешнего мира, представляющиеся мне симптомами чужих переживаний, сами по себе: в этом случае я говорю, что они обладают объективным смыслом; однако, во-вторых, я могу обратить свой взгляд и сквозь них, на конструирующийся процесс в живом сознании данного разумного существа, процесс, для которого эти феномены внешнего мира являются симптомами (субъективный смысл) (там же, стр. 726).

Итак, социологически значимым пониманием является объясняющее понимание, то понимание, которое имеет дело с мотивами действия. В непосредственном актуальном понимании мотив действия скрыт от нас, потому что мы понимаем действие как анонимное, как действие само по себе. Эта позиция подводит Шюца к следующему утверждению: «вопрос о мотиве трансцендентен по отношению к настоящему соответствующего осуществляемого в данный момент действия» (там же, стр. 716). В конечном итоге, наше постижение мотива или субъективного смысла действия связано также с нашей деятельностью сознания — нашим (но уже как социолога-наблюдателя) о-смыслением (интенциональным актом нашего сознания) мотивов Другого. Позднее Шюц разовьет это утверждение еще дальше:

> Смысл, как было показано в другом месте[1], — это не качество, присущее определенному опыту, возникшему в нашем потоке сознания, а результат интерпретации прошлого опыта, увиденного из настоящего Сейчас при рефлексивной установке. До тех пор, *пока я живу внутри* своих действий, направленных на объекты этих действий, действия не имеют никакого смысла. Они становятся осмысленными, когда я схватываю их как четко отграниченный опыт прошлого, а это значит — в ретроспекции. Только тот опыт, который можно вспомнить вне зависимости от его наличия в настоящем и который

1 Здесь Шюц как раз ссылается на работу «Смысловое строение социального мира», обсуждением которой мы и занимались.

> можно изучить на предмет его строения, является поэтому субъективно осмысленным (Шюц, 2008, стр. 61[1])

Здесь Шюц уже приходит к известному феноменологическому утверждению, что смысл появляется лишь в перфектном времени — тогда, когда действие совершено. И лишь по совершению действия, а не в актуальном схватывании его протекания, происходит истинное (социологическое) понимание его смысла.

В конечном итоге, Шюц, обозначая слабые места в том, что Вебер говорит об актуальном понимании, приходит к объяснению актуального и объясняющего понимания через объективный и субъективный смысл соответственно. Причем он определяет их уже не столько в духе Вебера, сколько в духе феноменологии Гуссерля. Далее *Шюц обозначает напряжение между субъективным и объективным смыслом действия*. Это напряжение в его трактовке вырастает из того, что субъективный смысл тесно связан с интенциональными актами действующего (заметим, это опять же феноменологическая трактовка). Смыслополагание глубоко субъективно, оно скрыто от внешнего наблюдателя и происходит, в конечном итоге, в результате осуществления субъективной интенциональной работы сознания действующего. То, что наблюдает социолог, стремящийся познать и интерпретировать действия — это внешние симптомы или свидетельства внутреннего конституирования субъективного смысла.

В контексте нашего обсуждения принципиально важным представляется то, что Шюц, рассуждая об объясняющем понимании, связывает субъективный смысл действия с внутренней интенциональной деятельностью сознания. Иными словами, он проводит связь между объясняющим пониманием и пониманием субъективных мотивов действующего, которые можно постичь лишь посредством постижения субъективного смысла действия (так, как его трактует Шюц), потому что именно субъективный смысл отсылает не к «анонимности» данности объективного смысла выражения, а дает понять, почему это действие было совершено именно здесь и именно этим действующим. Интерпретация Шюцем Вебера оказала действительно достаточно серьезное влияние на прочтение «проекта понимающей социологии». Многие социальные мыслители приняли взгляд Шюца на то, что разграничение Вебером актуального и объясняющего понимания в определенной степени страдает неясностью и нечеткостью. В конечном итоге, что еще важнее, был принят взгляд Шюца на то,

1 В исходном месте, откуда была взята цитата, были незначительные опечатки, исправленные в самой цитате.

что актуальное понимание как понимание проблематично само по себе, потому что в актуальном понимании мы имеем дело с объективным смыслом действия, а нашей задачей является постичь мотивационный смысл действия, возникающий в процессе внутренних интенциональных актов. Актуальное понимание имеет дело лишь с «поверхностным» (т. е., буквально, лежащим на поверхности) «слоем» смысла. Оно не может дать нам понимания мотивов и, в конечном итоге, *смысла этого социального действия*, как действия совершенного этим действующим в этой ситуации. Поэтому нашей целью как социологов должно быть — «прорваться» к субъективному смыслу действия посредством объясняющего понимания. Объясняющее понимание требует определенного трансцендирования от непосредственного хода действия постольку, поскольку «вопрос о мотиве трансцендентен ходу настоящего действия».

Многие социальные исследователи переняли взгляд Шюца на проблематику понимания у Вебера, а также его утверждение, что его феноменологическая социология является, фактически доработкой веберианской понимающей социологии. Так, Дж. Холл прямо утверждает, что целью Шюца было подвести под понимающую социологию Вебера (которая в английском написании Холла превратилась в *интерпретативную* социологию (interpretative sociology)) тот философский фундамент, о котором не заботился сам Вебер (см. Hall, 1981, p. 4).

Далее Холл говорит, вслед за Шюцем, что постольку, поскольку Вебер никогда не делал философские и методологические вопросы основным предметом своего исследования, он недостаточно подробно разработал философское определение понятия смысла, а также методологические принципы его постижения. Но что еще важнее, Холл вполне в шюцианском духе трактует основную цель работы Вебера: Шюц, говорит Холл, «ясно показал различие в рамках социологического анализа между объективной интерпретацией субъективно осмысленного действия (что было заявленным намерением Вебера), и объективной интерпретацией наблюдаемых смыслов (что стало исследовательской практикой Вебера)» (Ibid, p. 5). Холл таким образом, вместе с Шюцем, утверждает, что, на самом деле, задачей понимающей социологии так, как ее видел Вебер, было предоставить «интерпретацию субъективно осмысленных действий», смысл которых конституируется в результате «работающей интенциональности сознания эго» (Ibid, p. 5). Но, в силу того, что Вебер был непоследователен в разработке своих философских принципов, он не только не смог внятно определить, что же такое (субъективный) смысл, но и не дал объяснения тому, как он социологически правильно постигается. В этом смысле

работа Шюца является необходимым дополнением и продолжением веберианской понимающей (или интерпретативной) социологии, несмотря на то, что Шюц подводит под нее несколько иные философские основания.

В том же ключе отзывается о работе Вебера и Дж. Рекс. Он заявляет, что различие Вебера между объясняющим и актуальным (или, как он его называет, прямым наблюдательным (direct observational)) пониманием «вряд ли удовлетворительно», поскольку и то, и другое «отсылает к мотивации» (Rex, 1991, p. 241). Далее он говорит, что полезно принять критику Вебера Шюцем и другими авторами-феноменологами и следует проследовать за ними в их разработке веберовской аргументации, чтобы лучше понять суть метода понимающей социологии. Рекс прямо заявляет, что «Для приемлемой веберианской социологии может быть важным то, чтобы категория прямого наблюдательного [актуального] понимания была интерпретирована в том виде, который предлагает феноменологическая социология» (Ibid, p. 241). Рекс последователен в своей шюцианской критике Вебера. Он вполне в духе феноменологии отмечает, что осмысленным поведение может быть лишь после того, как оно завершено и интерпретировано как завершенный опыт:

> Шюц отмечал, что смысл — это то, что тесно связано с мотивированным действием. <...> Единственным, что может быть помыслено как полностью бессмысленное, является *durée*, т. е. текущий опыт индивида до тех пор, пока он неотрефлексирован. Но все человеческое поведение и, в действительности, весь социокультурный мир становятся осмысленными, как только мы получаем доступ к ним. На самом деле, невозможно обсуждать их *пока они не интерпретированы*, т. е. не сделаны осмысленными. В этом состоит то, что стоило отметить Веберу, когда он вводил отдельную категорию актуального понимания (Ibid, p. 241, курсив мой).

Рекс не только следует за Шюцем в интерпретации Вебера. Он, более того, делает эксплицитным одно из важных положений Шюца: *осмысленность (действия) — это продукт интерпретации*. Интерпретация же — это, по своей сути, интенциональные действия индивидуального сознания, которые опираются на интерсубъективный запас нашего общего социального опыта. Таким образом, *социологическое понимание — это понимание интерпретирующее*. Объект социологической интерпретации — мотивация, без знания которой, утверждает Рекс, невозможно актуальное понимание. Но мотивация — продукт деятельности другого индивидуального сознания. Таким образом,

проблемой социологии становится проблема постижения *alter ego*.

Шюц указывал, что события, которые мы считаем событиями социального мира, субъективно осмысленны. Голденвейзер (Goldenweiser, 1938) идет дальше. Хотя он и не опирается на Шюца в той же мере, что и Рекс в приведенном нами выше рассуждении, но его интерпретация Вебера показательна. Он говорит, что события естественной истории сами по себе ничего не означают для социолога или историка. Они становятся значимыми лишь тогда, когда связываются с некоторыми ментальными фактами, только тогда им может быть приписан некий смысл (см. Goldenweiser, 1938, pp. 20–23). В принципе, это утверждение еще более сильное, чем утверждение Шюца, потому что вслед за Гуссерлем Шюц понимал разницу между интенциональными актами сознания и ментальными фактами. Однако, как и Шюц, Голденвейзер считает, что социальные события и социальные действия тесно связаны с процессами в индивидуальном сознании.

Еще одну феноменологическую интерпретацию Вебера представляет Мьюз (Muse, 1981, p. 260), «показывающий», что требование Вебера, чтобы понимание стремилось к очевидности, (см. Вебер, 2002, стр. 73–76), на самом деле основывается на том, что концепты, в которых социолог осмысляет социальную реальность, должны быть интуитивно понятными и правильными, то есть они должны иметь смысл на интуитивном уровне. Мьюз стремится показать, что когда Вебер говорит об образовании понятий (идеальных типов) в социологии, что когда он выдвигает к ним требование быть понятными и очевидными, он, на самом деле, идет вслед за Гуссрелем и его разработкой «тем, связанных с проблематикой очевидности интерпретативного понимания» (см. Muse, 1981, pp. 259–271).

Опираются ли интерпретаторы Вебера на Шюца или нет, мы, так или иначе, можем проследить в значительной части прочтений Вебера некоторые общие черты, которые выделили в ходе обсуждения шюцианской интерпретации Вебера. В их основе лежит отождествление понимания с интерпретацией. Причем интерпретация понимается в том смысле, как ее описывает феноменологическая социология. Социологически понять социальное действие означает объясняюще интерпретировать его (мотивы). Корни этого взгляда лежат в различении доступной нам объективной явленности протекания социальных взаимодействий, которые мы можем «назвать», но не понять в нужном нам смысле, и скрытой субъективной реальности смыслополагания. Принципиально важно то, как понимается характер этой субъективности. Во-первых, она приватна — интенциональные акты *alter ego* не доступны мне непосредственно. Во-вторых, она

«отвечает» за осмысление событий внешнего мира (Голденвейзер в этом смысле не так далек от Шюца, который утверждал, что «наделение смыслом — не что иное, как дело интенции, благодаря которой только и происходит „одушевление“ чисто чувственных переживаний»). Само это различение основывается на критике веберовского «актуального понимания», которое разворачивает Шюц.

Таким образом, создается серьезное напряжение между объективно явленными нам внешними процессами человеческого поведения и субъективно полагаемыми смысловыми процессами. Задачей социологии ставится преодоление разрыва между «внешним» — событиями публичного мира, и «внутренним» — приватной интенциональной деятельностью. И это преодоление возможно лишь посредством *интерпретации* — так понимающая социология Вебера становится интерпретативной. Таким образом, два требования, которые Вебер предъявлял к социологическим объяснениям — быть адекватными по смыслу и каузально адекватными — видятся как способ научно и социологически правильно преодолеть этот разрыв. Феноменологическое решение Шюца становится тем, что помогает достичь адекватности по смыслу (см. Muse, 1981 и его обсуждение связи феноменологической интуитивной достоверности и веберианской адекватности по смыслу, а также Rex, 1991 и его рассуждения о «мягкой феноменологии» («soft phenomenology»)). Одновременно с этим требование каузальной адекватности понимается в терминах валидности, т. е. того, что обеспечивает социологическому исследованию и его понятиям их научность. Показательно, что как раз те авторы, которые предпринимают феноменологическую трактовку веберовской проблемы понимания, отмечают одновременно с этим, что для научности исследования понятия социологического исследования должны проходить «статистическую» проверку на валидность (см. Rex, 1991, Muse, 1981).

Мой тезис состоит в том, что прочтение, предложенное Шюцем, акцентирующее внимание на различии объективного и субъективного не только создает трудности в понимании аргумента Вебера, но и приводит к ложному напряжению между «объективным» и «субъективным» смыслом. В дальнейшем я попробую показать, что в значительной степени именно такое прочтение Вебера и, в первую очередь, связывание объясняющего понимания с пониманием субъективного смысла действия, *конституируемого в субъективных интенциональных актах сознания*, приводит к ряду трудностей и не отражает того, что Вебер в действительности говорил о задачах понимающей социологии и социологических процедурах понимания.

Критика феноменологического прочтения Вебера

В предыдущем разделе я пытался показать, как различие между субъективным и объективным смыслом было поляризовано феноменологической интерпретацией понимающей социологии Вебера, которую предложил Шюц. Мне представляется, что основным проблематичным моментом в интерпретации и «доработке» Шюцем Вебера является то, что он дает такое понимание характеристикам субъективно полагаемого смысла действия, которое достаточно далеко отходит от того, как его понимал Вебер.

Мне кажется полезным сейчас обратиться к работе Питера Мюнха, который затрагивает проблемы неточностей в понимании методологии социологии Вебера. Мюнх уделяет основное внимание переводам Вебера на английский язык и англоязычной рецепции понимающей социологии, и говорит, что «американские комментаторы, в основном, психологически нагружали такие понятия Вебера как „полагаемый смысл“ (intended sense) и «понимание» посредством «приписывания мотива»» (Munch, 1975, p. 12). Основной проблемой, переводов, по мнению Мюнха, было то, что смысл — «*Sinn*» — был переведен как «*meaning*», хотя более удачным словом для передачи того, что Вебер понимал под смыслом действия, было бы «*sense*».

В английском языке существует определенная разница между словами «*meaning*» и «*sense*». «*Meaning*» отсылает, скорее, к субъективной, в каком-то смысле психологической, или, в ином смысле, интенциональной деятельности сознания и имеет сильные коннотации, как утверждает Мюнх, с «предполагаемой целью». В то же время «*sense*» относится к аспектам (языковой) ситуации. Хотя, говорит Мюнх, наиболее близкой передачей смысла немецкого «*Sinn*» было бы английское «*sense*», Парсонс и Хендерсон решили переводить его как «*meaning*», тем самым сделав отсылку к чисто психологической категории «состояние сознания» (Ibid, p. 16).

Мне кажется, что суть аргумента Мюнха можно выразить таким образом: для Вебера действие должно являться не столько «*meaningful*», сколько должно «*make sense*». Он говорит следующее:

> Ясно <...>, что социальное действие в соответствии с аргументацией Вебера представляет собою форму коммуникации, основанную на разделяемом «языке» осмысленных (meaningful) типов действия, регулируемых нормами и конвенциями. Постижение полагаемого смысла (intended sense) действия, таким образом, ни в коей мере не отличается от постижения полагаемого смысла произнесенного утверждения (Ibid, p. 18)

И еще:

> Здесь мы подходим к тому пункту, который последовательно игнорировался большинством критиков Вебера: для Вебера социология (в частности, понимающая социология (comprehensive sociology)) занимается тем типом человеческого поведения, которое является «осмысленным»[1] и «понимаемым» (comprehensible) в терминах наличных ожиданий, то есть в терминах норм и стандартов «разумного» (reasonable) поведения, разделяемых действующим и его аудиторией <...>. «Мотив» входит в эту схему не как «состояние сознания» индивидуального действующего (которое может быть объяснено психологически), а как «смысловой контекст, который представляется самому действующему или наблюдателю как разумное основание определенного типа поведения» <...> Другими словами, объяснить социальный феномен <...> означает определить всю ситуацию в ее полноте, в которой соответствующий тип действия «имеет смысл» (makes sense) (Ibid, pp, 17–18).

Мюнх как раз стремится показать, что совершенно неправильно было бы определять смысл действия, который должен постичь социолог, как нечто внутренне присущее сознанию действующего. Хотя его обсуждения, в основном, касаются американской рецепции аргумента Вебера, и он утверждает, что значимая доля психологизма в понимание методологического аргумента Вебера была привнесена переводами Парсонса, мы можем заметить, что то, что говорит Мюнх значимо и для нашего обсуждения феноменологического прочтения Вебера Шюцем.

Речь идет, по сути, о том, «о чем» социология Вебера, и какие методологические требования он к ней предъявлял. Для Шюца и для других феноменологически ориентированных интерпретаторов понимающей социологии, а также для тех прочтений американских комментаторов, с которыми спорит Мюнх, социология Вебера — это, безусловно, что-то о субъективно полагаемом смысле. Мюнх стремится указать на то, что, в целом, было бы совершенно неправильно говорить, что социология Вебера — это социология о личных, приватных смыслах, полагаемых субъективным эго, а не социология о самом действии (см. критику Мюнхом Варринера: Ibid, p. 13). Та-

1 Здесь Мюнх использует через запятую слова «sensible», «meaningful». Не могу передать на русском языке различия между этими словами, поэтому перевожу их просто как осмысленное.

ким образом, и методология Вебера в соответствии с его аргументом направлена не на то, чтобы как-то добраться до смысла действия — это методология наблюдения за действием вообще.

Однако нам необходимо понять, что же скрывается за утверждением, что социология — это наука о наблюдении за действием вообще. Что значит наблюдать действие? Какое социологически правильное описание действия мы должны представить? Что мы *видим*, когда наблюдаем за действием? Многое зависит от того, как понимать смысл слова «видеть». С одной стороны, мы видим всего лишь телодвижения действующего, значит ли это, что то, что предлагает Мюнх, состоит в том, что мы должны давать более или менее точные описания телодвижений, не пытаясь *интерпретировать* тот смысл, который за ними *скрывается*?

Подобное представление является в значительной степени ошибочным. Шэррок и его коллеги тонко подмечают, что когда мы *наблюдаем действие*, нам не надо совершать каких-то дополнительных усилий, чтобы перейти от видения телодвижений к видению, собственно, действия. Скорее, даже, наоборот, описание действия исключительно в терминах телодвижений создаст для нас определенные трудности: «Мы обычно не занимаемся интерпретированием слов другого человека, когда вовлечены в разговор — мы *слышим* слова. Равным образом мы не интерпретируем удар, мы (хочется верить) его просто замечаем» (Hutchinson et al, 2008, p. 13).

Таким образом, мы подходим к тому, что есть иное понимание того, что происходит, когда мы наблюдаем за действиями другого. Мы не просто «видим телодвижения», скорее, мы непосредственно схватываем то, что *делается*. Так, движения лесоруба топором не «видятся» и не описываются нами обыкновенно как последовательность его действий (например, поднял топор, замахнулся, начал движением топором в сторону дерева, произвел удар топором о ствол дерева и т. д.); обычно мы просто говорим о том, что он рубит дерево.

Заметим, однако, что то, о чем мы сейчас говорим, тесно перекликается с обсуждением Шюцем процесса схватывания объективного смысла. Для Шюца, между прочим, наше видение социальных действий также не представляется как фиксирование последовательной смены телодвижений. Действительно, мы актуально схватываем в понимании то, что дровосек рубит лес, однако, как говорит Шюц, такого понимания ни в коей мере недостаточно для того, чтобы представить социологически адекватное понимание. И здесь мы подходим к основному пункту различий между феноменологическим пониманием действия, и тем пониманием действия, которое приписывает Веберу Мюнх.

Шюц критикует актуальное понимание, он говорит, что оно недостаточно, неполно и, в конце концов, оно имеет малое отношение к задачам понимающей социологии. Наблюдатель, конечно, не видит действия другого как бессмысленный набор процессов и вещей внешнего мира, безусловно, они для него уже осмысленны. Однако вся суть аргумента Шюца состоит в следующем его высказывании:

> Все эти процессы и вещи внешнего мира обладают для меня, переживающего их, и переживающего в ходе интерпретации, некоторым смыслом, однако это совсем не обязательно тот смысл, который Другой, тот, кто и произвел эти действия, связывал со своей деятельностью. Ибо эти предметные составляющие внешнего мира (процессы и производимые результаты) представляют собою лишь признак смысла, подразумеваемого действующим, чьи действия мы воспринимаем как поступательный процесс, либо чьи действия породили данный предмет внешнего мира (Шюц, 2004, стр. 708)

Мы можем понять смысл действия другого непосредственно, например, мы можем понять, что дровосек рубит лес. Однако, как утверждает Шюц, это наше непосредственное понимание объективного смысла действия может увести нас в неправильную сторону, потому что Другой мог связывать со своими действиями совершенно иной смысл, отличный от того, что мы ему приписали. Таким образом, за всеми действиями Другого мы предполагаем скрывающийся смысл, который он сам им придает, мы предполагаем его интенциональность и одушевленность. Более того, даже наше актуальное понимание деятельности Другого возможно лишь постольку, поскольку мы различаем за объектной данностью его тела чужое Я:

> Называемое нами чужой деятельностью или чужим поведением и в самом деле предстает перед нами не как серия переживаний Другого, подобно тому, *как наше собственное поведение предстает нам последовательностью наших внутренних переживаний*, а как процесс во внешнем мире, как воспринимаемое изменение того вот предмета, который называется чужим телом. Однако *чтобы вообще воспринять этот предмет как чужое тело, как тело Другого, мы уже должны предполагать существование чужого Я, его «одушевленность»* (там же, стр. 707, курсив мой)

Таким образом, аргумент Шюца базируется на нескольких положениях. Во-первых, последовательность наших внутренних переживаний дана нам со всей очевидностью. Во-вторых, схожий процесс

внутренних переживаний Другого скрыт от нас, но мы предполагаем, что за воспринимаемым нами телом другого находится та же субъектность, которой обладаем и мы. В-третьих, на основании этого предположения мы видим, воспринимаем последовательность его телодвижений уже как определенные действия, мы можем *назвать* их (например, рубкой леса), однако наше понимание смысла этих действий может совершенно отличаться от того смысла, который вкладывает в них Другой. И, наконец, поэтому нашей задачей является понять тот субъективный смысл, который скрывается за всеми этими (понятными нам) аспектами действия. При этом мы должны рассматривать эти аспекты как *признак* того субъективного смысла, который в действительности скрывается за ними.

Методологически процесс понимания субъективных смыслов, вкладываемых другим в свои действия, называется интерпретацией. Таким образом, взгляд Шюца ведет к тому, что наше понимание становится *интерпретацией*. А понимающая социология — интерпретативной. Стоит отметить, как близко такая интерпретация Вебера приближается к тому, что говорил Дильтей о науках о человеке (human sciences):

> Первая тенденция [присущая естественным наукам] стремится к схватыванию (grasping) ментальных контекстов в языке, понятий и методов науки, и тем самым она отчуждает себя [от процесса познания человеком самого себя]. Другая тенденция состоит в том, чтобы отыскивать и рефлексировать над ненаблюдаемым содержанием, которое проявляет себя в наблюдаемом внешнем ходе событий человеческой истории. История показывает, что посредством наук о человеке человек приближается все ближе и ближе к своей далекой цели — к получению знания о самом себе (Dilthey, 1976, p. 32).

В конечном итоге, построения Шюца основываются на том, что он предполагает, что за всеми осмысленными действиями стоит процесс субъективного смыслополагания. Смысл в такой концепции находится на стороне субъектности. Таким образом, чтобы постичь его, необходимо интерпретативное усилие. Мне кажется, что именно этот взгляд Шюца создает напряжение между объективным и субъективным смыслом, между тем, что мы непосредственно наблюдаем и видим, и тем, что «скрыто» за этим. Напряжение между внутренним субъективным и внешним объективным характерно для «интерпретативной феноменологии» Шюца. Но был ли Вебер хоть в какой-то степени «интерпретативистом»?

Во многом, ответ на этот вопрос зависит от того, какую позицию мы займем в прочтении Вебера. Если мы, например, как Рекс

будем утверждать, что разработка Вебером методологических основ понимающей социологии требует доработки в стиле Шюца (основывающейся, в частности, на критике актуального понимания), то мы уже имплицитно полагаем, что это так, потому что Вебер предполагал, что осмысленность действия возникает в результате субъективных актов целеполагания. Смысл, мотив, цель, интенция — все это в таком случае — характеристики действия, берущиеся со стороны субъективной внутренней интенциональной деятельности. И тогда, как мог бы сказать Мюнх, мы понимаем смысл как «*meaning*».

С другой стороны, мы можем принять тот взгляд, который находим у Мюнха. Отчасти он также разрабатывается (однако, применительно к работам Уинча) в книге Шэррока и его соавторов. Тогда мы понимаем смысл не как то, что появляется в процессе интенциональных актов субъекта, а как то, что возникает в самой ситуации действия и присуще ей. Такое понимание смысла ближе уже не к феноменологии Гуссреля, а к поздней философии языка Витгенштейна. Смысл уже ближе не к «meaning», а к «sense», он «находится в структуре самого действия и не связан с сознанием действующего, а прямо доступен пониманию контрагента и наблюдателя» (Munch, 1975, p. 17). Таким образом, понимание направлено на вычленение, скорее, внешних аспектов социального действия, чем внутренних процессов индивидуальных сознаний. Или как об этом говорит Таккер: «Веберовское *Verstehen* лучше всего может быть понято как методологический инструмент, разработанный для изучения природы ситуации <...>, в которой происходит человеческое *социальное* действие» (Tucker, 1965, p. 50).

В таком смысле понимающая социология Вебера не становится интерпретативной. Как отмечают Шэррок и его соавторы, немецкое «*Verstehen*» может быть переведено на английский язык и как «*understanding*», и как «*interpreting*». Второй вариант отсылает нас к трактовке, которая здесь была приписана Шюцу. Первый, скорее, к тому, о чем говорит Мюнх — он подобен пониманию смысла разговора.

> Участники разговора не имеют необходимости постоянно интерпретировать слова друг друга. Социальным действующим, взаимодействующим в обществе, не требуется постоянно интерпретировать смысл действий друг друга. Не существует отдельного сопутствующего *процесса* понимания, который позволяет им видеть значения в действиях и словах друг друга (Hutchinson et al, 2008, p. 13)

В этом, как раз, похоже и состоит основная разница между двумя этими взглядами. Шюц утверждает, что необходим отдельный про-

цесс — процесс интерпретации — чтобы произошло наше осмысление социального мира (вспомним, что он утверждал, что осмысление деятельности происходит *post factum* (Шюц, 2008) и что вопрос о смысле действия трансцендентен настоящему его протекания (Шюц, 2004)). Если же мы понимаем смысл действия наподобие смысла языкового выражения, если нам не надо, чтобы понять действия другого, искать кроющиеся за ними индивидуально полагаемые где-то внутри его сознания мотивы, то тогда мы отрицаем, что понимание требует какого-то отдельного интерпретативного усилия и что оно вообще является каким-то отдельным процессом. И если мы принимаем вторую интерпретацию, то не создается напряжения между субъективным и объективным смыслами, требующее отдельного усилия по ее преодолению.

Мы обрисовали, таким образом, разницу в подходах к интерпретации того, что означает «смысл» и «осмысленное действие» в социологии Вебера. Теперь я предлагаю обратиться непосредственно к его работам, чтобы понять, насколько интерпретация Мюнха адекватна.

Мне кажется, что в значительной степени «за» интерпретацию Мюнха говорит разрабатываемая Вебером методология социологического познания и, собственно, те цели, которые он ставит перед понимающей социологией. Тезис Вебера о том, что социологическое толкование действия должно стремиться к очевидности, заслуживает в этой связи большего внимания.

Вебер несколько раз на протяжении разработки методологии понимающей социологии недвусмысленно подчеркивает, что наиболее очевидным для понимания социолога являются рациональные действия. А, собственно «рационально понятными, т. е., в данном случае, непосредственно и однозначно интеллектуально постижимыми по смыслу прежде всего и более всего смысловые связи математических или логических высказываний» (Вебер, 2002, стр. 74).

Здесь принципиально важно то, что математические формулы и логические высказывания являются для нас понятными в силу своей собственной формы. Чтобы понять их, нам не надо знать тот субъективный смысл, который действующий вкладывает в них, когда он их пишет или произносит. Они с равной очевидностью доступны любому, кто освоил правила математики или логики. Таким образом, чтобы понять смысл, допустим, математического выражения, нам не надо пытаться вычленить глубоко субъективный «мотив» того, кто его записал, а достаточно лишь посмотреть на его (выражения) устройство.

Может показаться, что это имеет отношение только к актуальному пониманию. С мотивационным все может быть сложнее:

достаточно ли нам посмотреть лишь на внешние характеристики поведения, чтобы понять смысл этого поведения? Чтобы прояснить этот вопрос, следует посмотреть для начала на то, что Вебер говорит об объясняющем понимании:

> Мы «понимаем» в соответствии с мотивацией, какой смысл тот, кто высказывает или записал положение «2x2 = 4», вложил в то, что он *сделал это именно теперь и в данной связи*, если мы видим, что он занят торговой калькуляцией, научным доказательством, техническими расчетами или иными *действиями*, к *взаимосвязи* которых, согласно их понятному для нас смыслу, «принадлежит» это положение, т. е. оно обретает понятную для нас *смысловую связь* (там же, стр. 78, курсив мой).

Торговая калькуляция, научное доказательство или технические расчеты — это все внешние действия, которые мы наблюдаем и понимаем актуально и которые, тем самым, помогают *объяснить* нам *мотив*, которым руководствуется действующий при совершении вычисления. Однако то, что это лишь внешние действия и по ним мы судим о мотиве, не говорит нам еще ничего. Вопрос состоит в том, должны ли мы рассматривать эти события, наблюдаемые нами, как признаки субъективного смысла, который производится сознанием действующего, или же должны говорить, что вопрос о мотиве и субъективном смысле — это вопрос, на самом деле, о характеристиках ситуации.

И здесь нам надо обратиться к методологии социологического познания, которую предлагает нам Вебер. Вебер говорит, что социологическое познание происходит посредством использования идеальных типов. Идеальный тип должен быть наиболее понятен нам как исследователям социальной жизни, а таким условиям соответствует идеальный тип целерационального действия. Независимо от того, является ли актуальное поведение целерациональным или нет, «конструкция строго целерационального действования, благодаря его очевидной понятности и его однозначности (свойственной рациональности), служит социологии как тип („идеальный тип“), чтобы принять реальное, подверженное влиянию всякого рода иррациональностей (аффекты, заблуждения) действование как «отклонение» от его протекания, ожидаемого при чисто рациональном поведении» (там же, стр. 75–76).

Мне представляется очень важным здесь следующее: Вебер не говорит о соотнесении внешних аспектов поведения с какими-то «внутренними» состояниями субъективного сознания, более того, события, попадающие в поле зрения социолога, даже

не *служат признаками* интенциональных состояний. Единственное, что должен делать социолог — это *соотносить актуально произошедшие события внешнего мира* (актуально понятые им события) с *рационально и понятно сконструированным идеальным типом*. Таким образом, определение смысла действия не отсылает к определению того, что стоит за действием «внутреннего», «интенционального» или «психического»:

> Тождество смысловой соотнесенности не связано с наличием одинаковых «психических» констелляций <...> Такая категория, как, например, «стремление к наживе», вообще не может быть отнесена к какой-либо «психологии»; ибо при двух сменяющих друг друга владельцах «одного и того же» делового предприятия «одинаковое» стремление к «рентабельности» может быть связано не только с совершенно гетерогенными «чертами характера», но и обусловлено в процессе совершенно одинаковой реализации и, в конечном результате, прямо противоположными «психическими» констелляциями и чертами характера (Вебер, 2006, стр. 379).

То, что происходит «внутри», и это относится как к фактам психологии, так и к тем «внутренним» смыслам, которыми действующий наделяет свое действие и в которых он осмысляет мир, мало интересуют социологию. Понятия социологии и ее объяснения не могут и не должны «схватывать» этот индивидуальный смысл. Более того, они и не должны стремиться:

> Конструируемые понятия социологии имеют идеально-типический характер не только во внешнем отношении, но и во внутреннем. В огромной массе случаев реальное действование совершается так, что его «предполагаемый смысл» осознается либо лишь подспудно, либо не осознается вообще. Действующий куда больше неопределенно «чувствует» смысл, чем знает или «вполне уясняет» его, поступая в большинстве случаев по влечению или по привычке. Смысл действования (все равно, рациональный или иррациональный) доводится до сознания лишь время от времени, а при однородном действовании масс его часто осознают лишь отдельные индивиды. По-настоящему эффективное, т. е. вполне осознанное и ясное, осмысленное действование представляет собой в реальности лишь предельный случай. Это обстоятельство придется принимать во внимание в любом историческом и социологическом рассмотрении

> при анализе реальности. Но это отнюдь не должно помешать образованию понятий в социологии путем классификации возможных «предполагаемых смыслов», то есть так, *как если бы действование фактически совершалось с сознательной ориентацией на смысл* (Вебер, 2002, стр. 95).

Приведенные цитаты призваны показать, что для Вебера основной целью объяснений понимающей социологии было: не рассматривать внешние наблюдаемые события, доступные актуальному пониманию, как *признаки* субъективно полагаемого смысла, и на основании их *интерпретировать* этот скрытый смысл, а скорее давать *понятные* объяснения. Понятные объяснения мотивации состоят в том, чтобы выстроить «понятную смысловую связь» событий действия, причем понятную в рамках той ситуации, в которой это действие произошло. Таким образом, когда мы объясняем математическое вычисление или рубку лесорубом дерева, мы понимаем эти действия в их связи с теми событиями, которые их окружают. Например, если мы видим, что некто занимается торговой калькуляцией, мы понимаем мотив его действия, и этот мотив может быть понятен для нас в рамках той ситуации, в которой произошло действие, независимо от того, что, как говорил Шюц, «это совсем не обязательно тот смысл, который Другой, тот, кто и произвел эти действия, связывал со своей деятельностью». Иными словами, нашей целью как социологов должно быть не такое объяснение мотива действия, которое будет не отсылать к внутреннему смыслополаганию, а такое, которое сделает это действие адекватно связанным по смыслу с другими событиями в рамках ситуации.

Заключение

Мы начали с того, что проблематизировали требование каузальной адекватности социологического объяснения как того, что помогает на основании научных процедур преодолеть разрыв между постижением внешней явленности событий действия и внутренне субъективно полагаемого мотива действия. Мы критиковали это понимание за то, что оно представляет каузальную адекватность действия как способ научной проверки гипотезы о том, что нами (наблюдателями действия) адекватно и непроизвольно приписан субъекту действия полагаемый им совершаемому действию смысл. Проблемой в этом требовании каузальной адекватности объяснения было то, что, в таком случае, чтобы социологическое объяснение смыслов действий было научным, оно должно основываться на статистически агрегированных результатах этого действия. Если развить эту логику до конца, то получится, что мы должны проверять

выдвинутую нами гипотезу о смысле наблюдаемого действия на основании количественных статистических процедур, и тогда, как говорил Лазарсфельд, получится, что «смысл социального действия может быть выражен лишь в вероятностных терминах».

Затем мы перешли к тому, чтобы показать, что толкование задачи понимающей социологии как необходимости «добраться» до того смысла, который действительно связывает с действием сам действующий, не является необходимым и создано, в значительной степени, феноменологической интерпретацией Шюцем Вебера. Мы увидели, что Шюц представил свою работу как дополнение и исправление некоторых неточностей в работе самого Вебера. Шюц не стремился, как мне кажется, дать то прочтение Вебера, которое будет отображать то, что «Вебер в действительности имел в виду», и его проект феноменологической социологии лишь отталкивается от работ Вебера, но не основывается на них полностью. Однако многие последующие социальные ученые воспринимали аргументацию Вебера именно сквозь призму прочтения Шюца, что привело к вполне определенным трактовкам смысла понимающей социологии, в т. ч. и ее методологических задач. Основным слабым местом такой трактовки было представление понимания как процесса интерпретации, т. е. целенаправленного усилия по трактовке того субъективно полагаемого смысла действия, который осуществляется самим действующим и который глубоко скрыт от нас как внешних наблюдателей социальной жизни.

Поэтому следующим нашим шагом было представить иной способ прочтения Вебера, акцентирующий внимание, в первую очередь, на понимании смысла действия наподобие понимания языкового выражения. Целью нашего мероприятия было показать, насколько далекой может быть трактовка Вебера от той, которую представил Шюц, и насколько такая трактовка может быть ближе к духу самих работ Вебера. Конкретнее, мы старались показать, что понимание, в том числе, и социологическое понимание, совершенно необязательно предполагает интерпретацию событий поведения как признаков лежащего за ним субъективного смысла, до которого необходимо добраться. Скорее, мы понимаем смысл действия и его мотивы, исходя из устройства ситуации и смысловой связи между событиями социального отношения. В таком случае мы отказываемся от идеи, что «субъективный смысл действия» — это то, что сам действующий приписывает своему действию либо в момент, либо до его осуществления. Мы также отказываемся от утверждения, что субъективный смысл — это то, что всегда непосредственно доступно и понятно самому действующему. Как мы помним, Вебер подчеркивал, что « [в] огромной массе случаев реальное действование совершается так,

что его „предполагаемый смысл“ осознается либо лишь подспудно, либо не осознается вообще». Постижение смысла действия, тогда, это, скорее, постижение адекватной смысловой связи между самим действием и другими событиями в рамках ситуации действия. Я старался показать, что именно такая интерпретация лежит ближе к веберовской методологии.

Но нам надо ответить на последний вопрос: коль скоро каузальная адекватность не является способом «научной» (статистической) проверки гипотезы о соответствии между предполагаемым субъективным (в понимании Шюца) смыслом действия и явленными «объективными» событиями его протекания, то что она означает? Как мы можем в таком случае понять, о чем говорит Вебер, когда вводит требование каузальной адекватности?

Вебер действительно говорит и о статистических регулярностях, и о гипотезах в связи с каузальной адекватностью, но здесь, в первую очередь, важно понять, какой цели это все служит. Как мы предположили, чтобы понять и объяснить смысл (мотивы) действия, мы смотрим на смысловую связь между событиями, составляющими ситуацию действия (см. Вебер, 2002, стр. 78). Таким образом, понять социальное действие — значит понять смысл определенного актуального процесса. Однако актуальные процессы могут отличаться один от другого: один раз рубка лесорубом дерева будет обусловлена его финансовым положением и стремлением заработать деньги, в другой раз — раздражением и необходимостью снять аффект. Должны ли эти процессы пониматься одинаковым образом? Являются ли они одним и тем же процессом? Насколько применимо объяснение первого процесса к объяснению второго? Для ответов на эти вопросы и служит каузальная адекватность. Каузально адекватной «последовательность процессов должна называться в той мере, в какой, в соответствии с правилами опыта, существует шанс, что она фактически всегда будет одной и той же» (там же, стр. 82). Таким образом, каузальная адекватность объяснения показывает, каков шанс того, что, допустим, объяснение рубки деревьев лесорубом как попытки заработать себе на жизнь будет правильным в других случаях.

То, о чем мы только что говорили, тесно связано с взглядом Вебера на социологию. Социология для Вебера является наукой, которую интересуют не только и не столько отдельные конкретные действия, сколько общие закономерности, поэтому она должна выводить некоторые законы. Законы же — это «суть подкрепленные наблюдениями типичные шансы ожидаемого хода социального действования при наличии определенных фактов [шансы], которые понятны, исходя из типичных мотивов и типичного смысла, предполагаемого действующим» (там же, стр. 91).

Таким образом, если мы понимаем действие на основании смысловой связи между различными событиями то наше понимание должно быть не только адекватным по смыслу (соответствовать средним привычкам мышления), но и быть каузально адекватным в том смысле, что должен существовать шанс, что наше объяснение значимо, и что такие процессы могут повториться. Мы не проверяем статистическую гипотезу об адекватности нашей трактовки субъективного смысла на ее валидность, мы не объясняем смысл в вероятностных терминах, а устанавливаем, насколько наше объяснение может быть экстраполировано на другие случаи, насколько оно является типичным.

Когда Уинч критикует Вебера за то, что тот говорит о необходимости использования статистических данных, он говорит как раз о той логике, в которой «правильное» приписывание смысла действию подобно «проверке гипотезы», и правильной такой проверкой будет установление «статистических законов». Мне кажется, что критика Уинча справедлива в том смысле, что логика проверки статистических гипотез имеет мало общего с правильностью понимания смысла действия. Однако Уинч не учитывает, что требование каузальной адекватности может использоваться для определения того, насколько последовательность процессов, на основании адекватного понимания смысловой связи событий которой и происходит понимание, имеет шансы повториться. Таким образом, поскольку сама процедура понимания основывается на установлении смысловой связи между актуальными событиями, то и каузальная адекватность этого понимания здесь идет рука об руку со смысловой адекватностью постольку, поскольку показывает, насколько такие актуальные события вообще реальны и какой шанс у них произойти (или повториться) в действительности.

Библиография

1. *Dilthey W. (1976), The human studies // Culture and Society, Contemporary Debates, Cambridge University Press, 2000, pp. 31–38*
2. *Goldenwiser A. (1938), The Concept of Causality in Physical and Social Sciences // Max Weber Critical Assessments 2, Volume II, Routledge, 1991 pp. 19–31*
3. *Hall J. R. (1981), Max Weber's Methodological Strategy and Comparative Lifeworld Phenomenology // Max Weber Critical Assessments 1, Volume II, Routledge, 1991 pp. 1–11*
4. *Hutchinson P., Read R., Sharrock W., There is no such Thing as Social Science, Ashgate Publishing Limited, 2008*
5. *Lasarsfeld P. F., Oberschall A. R. (1965), Max Weber and Empirical Social Research // Max Weber Critical Assessments 1, Volume IV, Routledge, 1991 pp. 197–218*
6. *Munch P. A. (1975), 'Sense' and «Intention' in Max Weber's Theory of Social Action // Max Weber Critical Assessments 1, Volume II, Routledge, 1991 pp. 12–22*

7. *Muse K. R. (1981), Edmund Husserl's Impact on Max Weber // Max Weber Critical Assessments 2, Volume II, Routledge, 1991 pp. 254–263*
8. *Rex J. (1991), Value-relevance, scientific lawd and ideal types: the sociological methodology of Max Weber // Max Weber Critical Assessments 1, Volume IV, Routledge, 1991 pp. 237–252*
9. *Rawls A. W. (2009), An Essay on Two Conceptions of Social Order: Constitutive Orders of Action, Objects and Identities vs Aggregated Orders of Individual Action // Journal of Classical Sociology 2009; 9, pp. 500–520*
10. *Tucker W. T. (1965), Max Weber's Verstehen // Max Weber Critical Assessments 1, Volume II, Routledge, 1991 pp. 45–51*
11. *Вебер М. (2002), Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология, под ред. С. П. Баньковской, Ч. 1, 2002, стр. 70–146*
12. *Вебер М. (2006), О некоторых категориях „понимающей" социологии // Вебер М., Избранное: протестантская этика и дух капитализма, М.: РОССПЭН, 2006*
13. *Шюц А. (2008), О множественности реальностей // Социологическая теория: история, современность, перспективы, Альманах журнала «Социологическое обозрение», СПб: Владимир Даль, 2008, стр. 58–109*
14. *Шюц А. (2004), Смысловое строение социального мира // Шюц А., Избранное: Мир, светящийся смыслом, М.: РОССПЭН, 2004, стр. 687–1022*
15. *Уинч П., Идея социальной науки и ее отношение к философии, М.: Русское феноменологическое общество, 1996*